

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
I. «Наш главный враг». В прицеле — Америка	12
1.1. «Два непримиримых лагеря».....	13
1.2. На Запад через Север.....	50
II. Гамбит мировой революции. Как Сталин направлял США и их союзников	105
2.1. Как Кремль помогал Мао	108
2.2. Как Кремль использовал Мао	143
III. «Манечку съели — Ванечку засолим». Красная каннибаломоника	197
3.1. Vae victoribus. Голод 1946–1947 годов и денежная «реформа». 198	
3.2. «Расширение базиса войны»	232
IV. Всадники Апокалипсиса. Вооружённые силы СССР и спутников	289
4.1. Осмысленное движение к Армагеддону. Приказы военного министерства СССР и ПВО.....	289
4.2. «Сокол» и безымянные хищники. Оперативные планы Судного дня	327
V. К «последнему и решительному бою». Лебединая песнь сталинизма	363
5.1. «Вырождение культуры в США». Необходимость кровопролития	365
5.2. «Боеспособность». Съезд конца света.....	405
Основные аббревиатуры и сокращения	442
Примечания	445
Использованные источники и литература	495

Мы твёрдо уверены, что никому не удастся сорвать наш путь к коммунизму, но в то же время мы не должны допустить больших поражений городам и промышленности нашей страны по причине нашего благодушия, успокоенности и неподготовленности.

Советское государство имеет мощную противовоздушную оборону Вооружённых сил Советского Союза, оснащённую передовой техникой борьбы с самолётами противника.

Зенитные средства находятся в руках испытанных в Великой Отечественной войне артиллеристов. Советские лётчики истребительной авиации известны всему миру своим непревзойдённым мастерством и героизмом. Противовоздушная оборона внесёт существенные поправки в обстановку и в условия нашей работы, но это не должно нас успокаивать и размагничивать. Мы не можем допустить, чтобы какие-либо случайности привели к большим людским и материальным потерям наших городов, наших промышленных объектов. Мы должны готовиться на худшие условия, и этим в большей степени обеспечить живучесть наших городов, нашей промышленности и транспорта.

Из доклада генерал-лейтенанта Василия Осокина о задачах МПВО (местной противовоздушной обороны) МВД СССР на 1949 год на совещании руководящего состава штабов и органов МПВО 28 марта 1949 года (РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 876. Л. 36-37).

Автор считает своим долгом поблагодарить специалистов, без содействия которых эта книга не появилась бы на свет: Ольга Алексич, Йордан Баев, Йоан Балджиев, Арнд Бауэркемпер, Василе Буга, Козьмин Будянка, Джамиль Гасанлы, Пжемыслав Гаштольд, Дмитрий Дрозд, Сергей Екельчик, Владислав Зубок, Андрей Когут, Марк Кремер, Штефан Кройцбергер, Иван Курила, Хироаки Куромия, Александр Лейбовичи, Владимир Невежин, Дитмар Нойтатц, Ричард Овери, Мари Ольсен, Георгий Онисору, Никита Охотин, Александр Панцов, Никита Петров, Анатолий Соколов, Борис Соколов, Никита Соколов, Стелиан Танасе, Ольга Терци, Анке Хилльбреннер, Олег Хлевнюк, Адам Цитек, Клаус Шмидер, Давид Энгерман.

Часть архивного поиска для данной работы была проведена при поддержке фонда «Новое поколение Европы» (New Generation Europe Foundation).

Также выражаю бесконечную признательность тем смелым или отзывчивым людям, которые по понятным причинам не захотели, чтобы их имена были названы.

<https://gogun.org/>

<https://www.facebook.com/oleksandr.hohun/>

[https://fu-berlin.academia.edu/
AlexanderGogun](https://fu-berlin.academia.edu/AlexanderGogun)

[https://www.paypal.com/
paypalme/AlexanderGogun](https://www.paypal.com/paypalme/AlexanderGogun)

[https://twitter.com/
AlexanderGogun](https://twitter.com/AlexanderGogun)

[https://www.patreon.com/
alexander_gogun](https://www.patreon.com/alexander_gogun)

ВВЕДЕНИЕ

Хотя тот факт, что Сталин готовился начать Третью мировую войну, уже известен науке¹, эти сведения ещё не вошли в школьные учебники истории в Северной Америке, Западной Европе или Австралии. При этом события, которые стали лишь следствием этого замысла — как, например, война в Корее — своё место там заняли. Этот парадокс объясняется наличием трёх прочных, гибких и пластичных неосознанных установок у немалой части ответствующего экспертного сообщества.

Первый стереотип вызван своеобразным эгоцентризмом, избирательным применением личного опыта частью тех специалистов, которые выросли в рыночной экономике и демократии. Это приводит к тому, что привычные мотивации и механизмы, присущие такому сложному строю, приписываются иному, противоположному прошлому. Поэтому Сталин наделяется чертами и устремлениями, которые были свойственны Трумэну или Черчиллю. Наиболее распространены такие неправильные трактовки кремлёвского горца: модернизатор², защитник, параноик³. Относительно последнего мало кто обращает внимание на следующее: помимо того, что это неверное объяснение происходившего, говорить о том, что кто-то испытывал избыточный страх, — значит частично оправдывать его. Что взять с не вполне адекватного человека? Таким образом, умышленные шаги предстают следствием досадных недоразумений, что снимает с того, кто их совершал, немалую долю ответственности или даже вины.

Иногда используется и недостаточный коэффициент изменений, необходимый при сопоставлении социалистической и одной из нормальных систем. Тогда Сталина изображают кем-то вроде русского царя, Советский Союз — вариантом Российской Империи, а её вождь превращается в традиционалиста, рваншиста или ирредентиста — обычного великодержавника. Это удаляет из его политики её суть — глобализм. Вместо настоящей причины захвата близлежащих земель или государств — получе-

ние плацдармов для агрессии, а также новых ресурсов для безграничной экспансии — таким авторам мерещится либо восставление былой империи, либо создание пояса безопасности — санитарного кордона.

В отдельных случаях некритический перенос западных реалий на советскую почву порождает и перегиб в другую сторону. Например, до сих пор ещё не полностью ушёл миф о том, что Сталин в начале 1950-х годов готовил депортацию советских евреев⁴. На самом деле у нацизма и коммунизма были разными не только внешнеполитические амбиции, но, как правило, и избранные ими группы жертв.

Второе предубеждение представляет собой ту разновидность западнцентризма, которая постулирует: Восток (в данном случае Советский Союз) — всегда и априори реагирующий, пассивный, инертный и зависимый объект, а Запад — инициативный, активный и самостоятельный субъект. Немало исследователей рассматривают под таким углом всё: развитие экономики, политики, культуры, распространение религии, но особенно — международные отношения, дипломатию, оперативное планирование и боевые действия. Они даже не пытаются постичь неизведанное: усердно искать общие для всех людей или местные закономерности той или иной страны или региона, внутренние источники динамики, импульсы принятия решений, не пробуют прилежно выявлять корни и начала цепочек причинно-следственных связей, первопричины. Вместо этого адепты такого взгляда просто берут уже знакомое им событие или явление Запада и преувеличивают его влияние вовне, а чаще просто выдумывают его. Так получается, что СССР приходил в движение только тогда, когда получал какой-то толчок, давление или иное воздействие из-за рубежа, а сам органически не мог быть начинщиком или подстрекателем. Расхожим прокрустовым ложем является следующая модель — западная страна или группа стран своими действиями или даже бездействием спровоцировала тот или иной шаг Советского Союза.

Именно это воззрение привело к тому, что на Западе довольно популярны две ошибки о советских планах относительно Европы и Америки: контратака или упреждающий удар. При этом мало кого смущает, что в первом случае речь идёт о дословном повторении сталинского лозунга почти уже вековой

давности — «на удар врага ответим двойным ударом». Эту формулу механически воспроизводят многие историки несмотря на то, что в искренности данных слов мир убедился на примере нападения СССР на страну Суоми в 1939 году — «в ответ на вооружённую провокацию финской военщины». А превентивный удар, который якобы готовил СССР — одна из версий уже столь разнообразной путинской внешнеполитической пропаганды, которая ведёт не только лобовые атаки на реальность, но и умеет смещать правдивый тезис, что обычно придаёт ему обратное содержание.

Но советский генштаб не задумывал контрудар или упреждающую атаку. Ведь в обоих случаях Сталин вновь выставляется как тот, кто совершал не первый, а второй шаг, лишь отвечая на реальные или даже воображаемые действия соседнего государства: в первом случае парировал нападение, во втором — реагировал на сосредоточение войск противника у своей границы. На самом деле ни в одном документе политического руководства СССР или советского оперативного планирования не указана дата предполагаемого вторжения извне, которое следовало отбить двойным ударом или упредить своим наступлением.

Третий предрассудок — Советский Союз являлся таким ужасом, что лидеры этого бессмысленного отсталого хаоса и подумать-то не могли напасть на богатый, мудрый и могущественный Запад, а тем более планировать это, и куда уж там готовиться. Хотя сторонников такой концепции отличает наиболее твёрдая убеждённость в своей правоте, их безусловное меньшинство. Для большинства очевидна иррациональность аргумента о немощном Сталине. Даже если допустить, что это было так, любой человек может переоценивать свои силы или недооценивать противника.

Если же подходить к вопросу непредвзято и смотреть на Сталина без розовых или чёрных очков, то на самом деле его устремление было простым, если не примитивным — самоутверждение: поработить человечество и насладиться полученной властью. Те, кто возражает против использования слова «рабы» в применении к жителям его державы, особенно к колхозникам, просто неточно употребляют этот термин, подменяя его смысл лишь частными случаями этого явления, например, классическим рабством в Древнем Риме. Но другая разновидность даже классического, то есть ан-

тичного рабства — в Аттике в V веке до нашей эры — даёт этому определению иное содержание: «...неограниченного права убить своего раба афинский рабовладелец... не имел. ...Присудить раба к смерти мог только суд»⁵. А ведь история знает и менее свирепые формы этой внеэкономической зависимости, например, в Латинской Америке или патриархальное рабство у древних славян⁶. Помещик Московии или государства Романовых не обладал правом смертной казни людей, находившихся в его собственности. А Сталин мог расправиться с любым из своих подданных, что и делал с разной частотой и интенсивностью на протяжении десятилетий.

Кроме того, правящий слой СССР просто не мог ограничиться ничем меньшим, чем планета Земля, поскольку желал удержать власть в собственной стране. В долгосрочной перспективе это было возможно только в том случае, если загнанные в несвободу, бедность и дефицит жители лишались возможности сопоставить своё унылое бытие с демократическими реалиями или, на худой конец, с повседневностью просвещённого авторитаризма, то есть не деспотизмом, а обычной диктатурой. Вдумчивое сравнение грозило свержением номенклатуры. Чтобы этого не случилось, несоциалистические страны предстояло либо покорить и сделать таковыми, либо уничтожить. Иными словами, мировая революция являлась для них не прихотью, а осознанной необходимостью.

Поэтому неверным является противопоставление, которое часто встречается в историографии: внешние шаги Советского Союза определялись идеологией или циничной реальной политикой? Никакого противоречия нет. Сокрушение капитализма являлось как коммунистической программой, так и целью властолюбивых эгоистов. Им не были присущи страхи или фобии. Здравомыслящие, а скорее даже приземлённые, они не верили в чепуху о «враждебном капиталистическом окружении» или «осаждённой крепости», которой охотно затуманивали головы как своих подданных, так и иностранцев. Вспомним фразу Сталина 9 января 1945 года, которую он обронил во время встречи с делегацией югославских коммунистов, описывая как себя, так и собеседников: «...нами руководит не чувство, а рассудок, анализ, расчёт»⁷. Своеобразное кровожадное благоразумие сочеталось с осознанным риском, к которому Джугашвили то ли от рождения, то ли с юности обладал личной склонностью или даже пристрастием.

Отсюда вытекает основной вопрос этой работы: как Сталин хотел решить эту, безусловно, непростую и амбициозную задачу — сделать невольниками весь род людской?

Для того чтобы раскрыть подробности подготовки Третьей мировой, описать её логику, использованы документы, которые впервые вводятся в научный оборот а также те, что уже были опубликованы коллегами, особенно в ходе и после архивной революции в Восточной Европе. Задействованы источники и исследования на двух наиболее важных в данном случае языках — русском и английском, а также на ещё двенадцати языках народов — в первую очередь старших из «младших братьев» в СССР или сателлитов Кремля.

Доступ к ряду ценных материалов более чем 70-летней давности закрыт как в России, так и в ряде других стран, например, в Румынии и Чехии. Тем не менее, возможности для дальнейших исследований по названной теме не исчерпаны и в нынешних условиях. Многие документы как российских, так и центральноевропейских архивов любезно рассекречивались для этого исследования по запросам автора этих строк.

Весомый вклад в появление этой книги внесли студенты университета Потсдама, где я преподавал. Их вопросы и живые замечания, а также гипотезы и идеи были использованы без зазрения совести. Книга оттачивалась в дискуссиях на коллоквиумах, рабочих встречах (воркшопах) и конференциях в университетах Бристоля, Берлина, Фрайбурга и Гейдельберга, военной академии Сандхерста, в музее Балзекаса в Чикаго.

Эти обсуждения привели к мысли о том, что в текст монографии необходимо ввести множество аутентичных, порой пространственных цитат из документов того времени. Ведь речь идёт о середине прошлого века и совершенно другом строе, чем тот, в котором мы живём. Поэтому следует дать читателю возможность лучше прочувствовать дух эпохи, психологию людей тех лет. Лексика и речевые обороты — один из ключей к мировоззрению не только авторов текстов или выступлений, но и их аудитории (иными словами, как Сталина, так и участников водоворота устроенных им кровавых конфликтов). Несмотря на определённые речевые шероховатости, которые в значительной степени объяснялись тем, что он говорил не на родном языке, он умел внятно донести до собеседника или слушателей свои мысли, же-

лал ли он искренне поделиться сведениями и соображениями или же запутать, а то и обмануть. Об этом есть много записей и свидетельств. Предоставим слово министру иностранных дел Германии Йоахиму фон Риббентропу, который имел дело с немалым количеством политических лидеров: «Кратко, точно, без лишних слов. То, что он говорил, было ясно и недвусмысленно... Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление... ..Трезвая, почти сухая, но столь чёткая манера выразиться...»⁸.

Он был единственным из мировых лидеров, у кого на протяжении тридцати лет была собственная неизменная внешнеполитическая стратегия, которую он воплощал непрерывно, последовательно и упорно, во многом создавая глобальную повестку дня. Остальные государства или режимы больше приспособлялись к обстоятельствам либо сходили с мировой арены. А плановая экономика соответствовала планомерной экспансии. Но это не мешало импровизации. Поэтому инициативность Кремля была просто вулканической. По меткой метафоре Бориса Илизарова, СССР в те десятилетия стал эпицентром международных отношений. Ломать не строить, и ВВП — не всегда главный показатель при оценке страны. Иными словами, поскольку направленность внешней политики Сталина являлась подрывной, то её влияние на ближних и дальних соседей значительно превышало долю Советского Союза в хозяйственной жизни планеты или воздействие культуры народов, покорённых коммунистами, — на мировую цивилизацию.